

УДК 811.112.2

ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЗООМЕТАФОРЫ И ИХ ИНВЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

О.О. Антипова

Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского,
Нижний Новгород

Рассматриваются антропоморфные зоометафоры с инвективной интенцией, построенные по модели «человек – это животное», включающей в себя маскулинно- и фемининно-маркированные, а также метагендерные единицы. Исследуются структурно-семантические особенности данного типа зоометафор с референцией к языковой картине мира.

Ключевые слова: инвективная метафора, гендерно-маркированные единицы, языковая картина мира.

Под инвективной зоометафорой в настоящем исследовании понимается языковая единица (слово/фразеологизм), созданная на основе зоо-образа и реализующая намерение инвектора оскорбить либо унижить инвектума или третье лицо [Голев 2000]. Объектом рассмотрения являются антропоморфные зоометафоры с инвективной интенцией, построенные по модели «человек – это животное». Анализ исследуемого материала позволяет выделить три группы зоометафор, реализующих данную модель: «мужчина – это животное», «женщина – это животное», «мужчина/женщина – это животное». Интересно отметить, что третья группа представлена метагендерными единицами, реализующими инвективную интенцию, направленную на представителей обоих полов.

Как представляется, анализ языкового материала с учетом гендерной референции весьма значим при изучении языковой картины мира носителей любого языка, при этом несомненный интерес представляет анализ средств лингвистической реализации концептов маскулинности и фемининности в разных лингвокультурах. Так, например, антропоморфная зоометафора *сука* в отличие от ее фемининно-маркированного эквивалента в английском языке реализует метафорическую метагендерную модель «мужчина/женщина – это животное», а, следовательно, инвективная интенция может быть адресована представителю любого пола. При этом ее дериват, зоометафора *сучка*, в которой присутствует уменьшительно-ласкательный суффикс, является инвективной. Важно отметить, что последняя из представленных единиц, не являясь метагендерной, в силу языковой традиции номинирует лиц женского пола.

Рассмотрение антропоморфных зоометафор с инвективной интенцией в русле лингвистической семантики позволяет выделить следующие группы:

1. Однословные: а) состоящие из слова с одним корнем: *гнида, собака; dog, goat* и т.п., и б) сложные, образованные методом словосложения: *кош-кодав, долбодятел; fleabag – грязнуля, oxhead – глупец* и т.п.

2. Фразеологические единицы: *собачья душа, сукин сын/дочь; God's are – полоумный, дурак от рождения, dirty dog* (ВЕ) – *дрянь, подлец, yellow dog* (АЕ) – *подлец, прохвост* и т.п.

Анализ исследуемого материала позволяет отметить, что сложные метафоры и метафоры со структурой словосочетания в обоих языках часто включают в качестве компонента языковые единицы-соматизмы. Употребление значительной части изучаемых языковых явлений имеет целью принижение интеллектуальных способностей инвектума/третьего лица. Для реализации подобной инвективной интенции в лексико-семантической группе интеллект (в дальнейшем изложении ЛСГ) используется соматизм «голова/мозг» и номинация животного, чьи ментальные способности носителями данной языковой культуры не оцениваются высоко: *куриные мозги, курья/ежовая голова* – в русской языковой картине мира и *chicken head, oxhead* – в английской. При этом зоометафора *egghead*, обладая соответствующей стилистической пометой, и будучи образованной по представленной выше словообразовательной модели, имеет значение 'умник' и обладает отрицательным эмоционально-оценочным компонентом.

В зоометафоре *bull-calf*, также относящейся к ЛСГ интеллект и образованной посредством сложения единиц, состоящих в гиперо-гипонимических отношениях, инвективная интенция реализуется через актуализацию признака молодой/глупый, заложенного в зоо-образе *calf* и конструирующего скрытое сравнение (бык-как-теленочек = глупый).

Рассматриваемые метафоры со структурой словосочетания можно условно разделить на две группы, в которых инвективная интенция реализуется посредством:

1) признаков, актуализирующихся в самом зоо-образе и не зависящих от наличия дополнительных компонентов. Упрямый *осел/баран* выступает в роли инвективной метафоры, равно как и *осел/баран* без дополнительных дескрипторов, cf., *гадюка* и *подколотная/гадюка*. В данном случае, как представляется, имеет место сужение значения/усиление инвективной интенции;

2) признаков, актуализирующихся посредством дополнительных дескрипторов, e.g., *драная/облезлая/ободраная кошка* – инвективная метафора, в то время как лексема «кошка» без дескрипторов не является в равной степени инвективной. Реализация инвективной интенции происходит посредством актуализации семантических признаков зависимых компонентов метафоры, а не главного слова.

Функционирование антропоморфной зоометафоры *лебедь* в русской языковой картине мира является примером аксиологической амбивалентности [Кузнецова 2014]. В одном из значений лексическая единица используется как ласкательное отношение к женщине (закрывающее в себе положительную оценку адресата: *лебедь, лебедушка, лебединая поступь*). При этом, в специальных лексикографических источниках, рассматривающих жаргонную лексику, данная единица в русской языковой картине мира фиксируется

со значением 'молодая проститутка', а также с фонетическим вариантом лебедь/леблеть.

Нельзя не отметить, что в группе метафор, реализующих модель «женщина – это животное», присутствуют инвективы, в составе которых отсутствует компонент, маркированный женским родом: *bull duke (offensive)* – о лесбиянке, чье поведение/внешность чрезмерно напоминают мужчину. В русской языковой картине мира находим похожее замещение фемининного зоо-образа в том же значении 'кобель/кобелиха'. Таким образом, используя в номинации маскулинно-маркированные зоо-образы, инвектор реализует инвективную интенцию, что позволяет судить об усилении эмоционального воздействия.

Наличие семантического компонента с референцией к родственникам инвектума в различных этнокультурах традиционно связывается с более глубоким эмоциональным воздействием. Выделяем два типа номинаций:

- 1) косвенная: *жабёныш, змеёныш, гадёныш* и т.п. (референция устанавливается по анализу словарной дефиниции);
- 2) прямая: *сукин/курицын сын, курицына дочь* и т.п. (референция определяется на уровне компонентного анализа).

При этом инвективная интенция распространяется на больший круг лиц, имплицитно передавая информацию о том, что набор отрицательных признаков, приписываемых инвектуму, также адресован его ближайшим родственникам.

Традиционно для многих лингвокультур в сфере номинаций профессий используются зоо-образы, не обладающие эмоционально-оценочным компонентом: *бык, медведь* – брокер, зарабатывающий на повышении/ понижении биржевых котировок, *волк* – опытный биржевой спекулянт, *заяц* – син. скальпера и т.п. Однако, следует отметить новые тенденции в употреблении подобных зоометафор с ярко выраженной инвективной интенцией. Особенно активно подобные зоометафоры используются в политическом дискурсе, под которым понимается речевая деятельность в определенном социальном пространстве, а также возникающие в результате данной деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов [Шейгал 2004]:

Lame duck: Disapproval of Obama's job performance (Allahpundit [http](http://))

или:

She failed to publicly declare her voting intentions before the secret ballot but announced at lunchtime today that she voted against the Taoiseach. "Cowen, the dead duck; Martin the lame duck; Hanafin the gutless duck; and Lenihan, the superior duck who shot himself in the foot" was how Miriam Lord of the Irish Times summed up the failed coup,

где *dead duck* – никчемный человек, *lame duck* – политический деятель, утративший свою власть, *gutless duck* – трус, *superior duck* – высокомерный

самодовольный человек) (Burne http). Несмотря на то, что метафора *lame duck* до не давнего времени не являлась серьезным оскорблением, анализ современных контекстов позволяет предположить, что положение данной единицы на шкале инвективности может измениться. Таким образом, чтобы своевременно фиксировать развитие новых компонентов значения (в данном случае инвективного компонента), представляется целесообразным пользоваться не только данными лексикографических, но и публицистических источников, а также материалами языковых корпусов, поскольку они быстрее реагируют на появление новых компонентов значения, которые либо рождаются, либо актуализируются в современных контекстах.

Одним из важных аспектов изучения инвективной зоометафоры является то, что данное явление всегда носит «культурно-обусловленный характер, поэтому соотношение кодифицированный – некодифицированный (разрешенный – неразрешенный) всегда национально специфично» [Жельвис 1988:108]. Так, для носителя русского языка не вызывает сомнения инвективная интенция гендерно-маркированной метафоры *кобра* (злая женщина), в то время, как для носителя английского языка зоо-образ *cobra* может актуализировать значение ‘внешне привлекательная девушка’, не являющееся компонентом смысловой структуры русского варианта.

Изучение инвективных метафор не утрачивает актуальности, во-первых, ввиду нестабильности степени инвективности отдельных единиц, а также вспомогательных способов выражения, представляющих собой обширный исследовательский материал. Во-вторых, исследование инвективной лексики получает новое развитие в русле гендерной инвектологии. Учитывая значительные изменения в сфере социальных ролей, можно также предположить, что языковая система отреагирует на смещение акцентов и актуализирующихся признаков, реализующих инвективные интенции. Необходимо также отметить, что материалы, полученные при рассмотрении данных аспектов позволят с большей точностью получать информацию о системе ценностей/антиценностей конкретного языкового коллектива, что, в свою очередь, дает возможность более детального рассмотрения концепта «оскорбление», являющегося, несомненно, одним из важных средств конструирования языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н.Д. Голев // Юрислингвистика – 2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2000. – С. 8-40.
2. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика / В. И. Жельвис // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 108.
3. Кузнецова Н.В. К вопросу о лингвистическом прогнозировании и лингвистических перспективах новой лексики в современном английском языке/ Н. В. Кузнецова // Вест. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2014.– № 2 (2). – С. 378-382.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис,

2004. – 324 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Allahpundit. Lame duck: Disapproval of Obama's job performance hits two-year high in new NYT poll [Электронный ресурс] / Allahpundit // Hot Air. – 2013, September 26. – URL: <http://hotair.com/archives/2013/09/26/lame-duck-disapproval-of-obamas-job-performance-hits-two-year-high-in-new-nyt-poll/>.

Byrne E. Fianna Fáil's fall from grace [Электронный ресурс] / E. Byrne // The Guardian. – 2011, January 19. – URL: <http://www.theguardian.com>. Fianna Fáil's fall from grace / Elaine Byrne / Opinion / The Guardian/.

GENDER-MARKED METAPHORS WITH THE NAMES OF ANIMALS AS A COMPONENT AND THE INTENTION OF INSULT

O.O. Antipova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod

Anthropomorphic metaphors with the intention of insult and the names of animals as a component that are based on the pattern «human is animal» are analyzed. Both gender-marked and unmarked components are included in the pattern. Structural and semantic peculiarities of these metaphors with the reference to the linguistic world-image are investigated.

Key words: *metaphors with the intention of insult, gender-marked lexical units, linguistic world-image.*

Об авторе:

АНТИПОВА Оксана Олеговна – ассистент кафедры зарубежной лингвистики филологического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, *e-mail:* rgf-survivingcourse@yandex.ru.

УДК 811.11

**КАТЕГОРИЯ РЕФЛЕКСИВА
В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ**

Ю.В. Баклагова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются средства выражения собственно возвратной категории (прямообъектного рефлексива) в двух разноструктурных языках – немецком и английском. Проводится разграничение между истинно рефлексивными глаголами и псевдорефлексивными глаголами.

Ключевые слова: *категория рефлексива, рефлексивный глагол, диатеза, актантная деривация, псевдорефлексивный глагол.*

Категория рефлексива долгое время причислялась к залогам. Возвратный залог или рефлексив указывает на то, что действие направлено на само действующее лицо, которое является одновременно и субъектом, и объектом действия, а каузатив – побудительный или понудительный залог – указывает